

А. ВАССЕРМАН В. ВАССЕРМАН

*Вассер-
мания*

Кое-что за Одессу

Прогулки
по городу
с харизмой

Владимир Вассерман
Анатолий Александрович Вассерман
Кое-что за Одессу

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5811683
Кое-что за Одессу /Анатолий Вассерман, Владимир Вассерман: АСТ; Москва; 2013
ISBN 978-5-17-078756-2

Аннотация

Описывать прогулки по Одессе легко, потому что у города, выражаясь современным языком, такой рейтинг в мировой классификации городов и такая, не побоимся этого слова, харизма, что текст, ему посвященный пользуется интересом и успехом, почти не связанными с качеством текста. Более того, многое, что говорится и пишется «за Одессу», к реальной Одессе отношения вообще не имеет, но живёт своей полнокровной и самостоятельной жизнью.

Анатолий и Владимир Вассерманы

Содержание

Вместо предисловия	4
Исторический центр	7
Новая хлебная биржа	8
Гостиница и гость	9
Старина и нувориши	10
Проходной по вертикали двор	11
Адмирал Одессы	12
Пароходы и язык	13
Старая работа	14
Музейный квартал	15
Старая хлебная биржа и памятники перед ней	16
По бульвару к Дюку	18
Циркульные дома	20
Дорога ко дворцу	21
Воронцовский дворец	22
Тёщин мост	23
Воронцовский переулок	24
Екатерининская площадь	25
К Сабанееву и Менделееву	26
Улица Гоголя	27
Уголок старой Одессы	29
Шах и император	30
Надгробие над оползнем	31
Герой-оружейник	32
Преображенская улица	34
От театра до собора	35
Главный театр города	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анатолий Вассерман Владимир Вассерман Кое-что за Одессу

Нашим родителям с благодарностью и любовью

Вместо предисловия Анатолий и Владимир Вассерманы

Николай Васильевич Гоголь-Яновский начал свою комедию «Ревизор» «Замечанием для Господ актёров». Великий писатель сам в молодости выступал, как говорится, на театральных подмостках, поэтому снабдил свою комедию подробными указаниями актёрам – как какого героя играть. Естественно, указания остаются не востребованными и пьесу играют в диапазоне от водевиля до трагедии (до сих пор в памяти лиричный и печальный спектакль рижского театра Русской драмы).

Вот и мы, как Николай Васильевич, решили написать «замечания для Господ читателей», осознавая, что каждый будет читать, как ему заблагорассудится. Тем не менее – пару слов.

Описывать прогулки по Одессе очень приятно, очень легко и очень тяжело.

Приятно потому, что мы живём в Одессе примерно с 1870-х годов, когда наши предки переехали из – увы, не известного нам – местечка в Белоруссии. За этот срок мы полюбили Одессу, как-то сроднились с ней и даже кое-что про город узнали.

Описывать прогулки по Одессе легко, потому что у города, выражаясь современным языком, такой рейтинг в мировой классификации городов и такая, не побоимся этого слова, харизма, что текст, ему посвящённый, пользуется и интересом и успехом, почти не связанными с качеством самого текста.

Более того, многое, что говорится и пишется «за Одессу», к реальной Одессе отношения вообще не имеет, но живёт своей полнокровной и самостоятельной жизнью. Почти как штурм Зимнего дворца в фильме Сергея Михайловича Эйзенштейна «Октябрь». Или – ещё ближе – расстрел на Бульварной лестнице в его же фильме «Броненосец „Потёмкин”». Влияние искусства столь велико, что с 1925 года лестница так и называется «Потёмкинская».

Отсюда бесконечные сборники «Одесских анекдотов», большого и малого словарей «Одесского языка», «Русско-одесских разговорников» и прочей литературы, создающей и эксплуатирующей образ Одессы. Если быть до конца честными перед самими собой, наи-

большой вклад в эту мистическую Одессу внёс своими «Одесскими рассказами» Исаак Эммануилович Бабель.

Записать прогулки по Одессе очень тяжело. Во-первых, столько путеводителей уже написано... Во-вторых, к стандартным 100 % знаниям о том, как воспитывать чужих детей и как тренировать национальную сборную по футболу, одесситы могут добавить 100 % знания о том, как проводить экскурсии по Одессе, и как потом эти экскурсии издать в виде книжки. В-третьих, Одесса настолько насыщена историей и интересной архитектурой, что практически невозможно (по крайней мере, непрофессиональным экскурсоводам) вести группу строго по намеченному маршруту и в ходе экскурсии придерживаться строго обозначенной темы.

В результате, «выгуливая» наших друзей и родственников по любимому городу, мы часто отклоняемся и от маршрута, намеченного первоначально, и от темы прогулки. Но в результате, как мы надеемся, вместо сухого и академического мероприятия «имеет место быть» живое общение, живое знакомство со своеобразным и очень интересным городом.

Мы старались передать в представленном тексте эту атмосферу дружеского общения с участниками прогулок, атмосферу импровизации и, зачастую, непредсказуемости перемещения по городу. Надеемся, даже в наше отсутствие эта книга будет полезна и приятна при самостоятельной экскурсии.

Удивительно, но каждый из авторов водил своих друзей по городу отдельно от брата. В результате несколько туристических объектов описаны каждым из нас со своей точки зрения. Это даёт как бы «3D» эффект при знакомстве с такими достопримечательностями.

Если Вы сочтёте какие-то – пусть даже многие – сведения лишними и не интересными для Вас, решительно пропускайте эти места (и текста, и города). Одесса – город щедрый и богатый: каждый сможет найти то, что придётся по вкусу именно ему. Найти сначала в тексте этой книги, а потом – в самом городе, встреча с которым обязательно должна состояться.

Исторический центр Анатолий Вассерман

Мой традиционный маршрут экскурсий по Одессе начинается на углу Пушкинской (первоначально – Итальянской) улицы и улицы Бунина (до революции – Полицейской, в советское время – Розы Люксембург).

3–4 ЧАСА ПЕШКОМ

Новая хлебная биржа

Железная дорога от Одессы вышла ещё в 1865-м, но лишь лет через пятнадцать состыковалась с другими дорогами юга России. По мере развития их сети поток зерна, экспортируемого через Одессу, стремительно рос. К концу 1890-х старая хлебная биржа в начале Приморского бульвара стала тесна для множества торговых посредников. Александру Осиповичу Бернардацци – в ту пору главному в городе архитектору – заказали новую. При этом торговцы особо предупредили: в главном зале заключаются серьёзные сделки – надо, чтобы двое беседовали, а третий в двух шагах от них уже ничего не слышал. Замечательный мастер в точности выполнил заказ – создал зал с худшей на сотни вёрст вокруг акустикой. В советское время здание заняла областная государственная филармония. Легендарный «зал без акустики» стал концертным. Невзирая на все попытки изменить покрытие стен, на многократную реконструкцию помоста сцены (под ним, по дошедшим до меня музыкантским легендам, выстроена сложная система резонаторов), на многоступенчатый комплекс динамиков – акустика всё ещё жуткая: мёртвые зоны составляют, по оценкам тонких знатоков, едва ли не пятую долю площади зала.

Артисты привычно преодолевают трудности. На филармонической сцене водится не только разнообразная отечественная и зарубежная эстрада. Симфонический оркестр филармонии в 1993-м из областного стал государственным, а в 2002-м получил титул национального (на Украине это выше государственного – как в Великобритании выше государственного стоит королевское). И не только за борьбу с акустикой, но и «в абсолютном зачёте». Ещё под конец перестройки оркестр возглавил родившийся в Каракасе (Венесуэла) американец Хобарт Эрл – и, как многие творческие люди, стал истинным одесситом. Он покончил со многими традициями и взамен создал новые. В частности, вечером 13 января оркестр даёт староновогодний концерт из произведений семьи Штраусов. Правда, его ещё не транслируют по всему миру, как аналогичный концерт утром 1-го января в венской филармонии – но всё ещё впереди!

Эрл считает проблемы акустики зала не связанными с его былой биржевой ролью – возможно, потому, что изрядную их часть уже преодолел. А может быть, и впрямь одесские маклеры не могли подслушать чужие переговоры только потому, что их изобилие создавало в зале сплошной ровный шум.

Оформление здания заказчики оставили всецело на усмотрение архитектора. Бернардацци создал модную тогда стилизацию под средневековье с лёгким мавританским акцентом. Декор – что на парадной лестнице, что во дворе, что в легендарном зале – щедр (даже опоры балкона замаскированы под дракончиков), но достаточно гармоничен, чтобы даже век спустя филармония была памятником не только архитектуры, но и хорошего вкуса.

Правда, во дворе уже изобилуют следы позднейших манипуляций. Стены увешаны кондиционерами. Мощение очерчивает овальный контур кафе, стоявшего во дворе в 1990-е. Дом актёра давно закрыт и переделан в очередной ресторан.

Часть помещений биржи – с отдельным входом из подъезда – в советское время превратилась в интернациональный клуб моряков. Экипажи многочисленных зарубежных судов, стоявших в одесском порту, отправлялись развлекаться там – дабы предотвратить несанкционированные контакты с советскими гражданами (и возможные конфликты: хулиганы, карманники, грабители не переводились у нас ни в какие эпохи, хотя реальный уровень преступности в Одессе на порядок ниже легенд). Постсоветское время превратило клуб в казино, названное «Ришелье» в честь одного из самых почитаемых одесситов. Впрочем, рассказ о нём – дальше по ходу экскурсии. А вот что будет на месте казино после запрета публичных азартных игр – узнаем вместе.

Гостиница и гость

Напротив филармонии, через улицу Бунина – гостиница «Бристоль» (в советское время – «Красная»). На моей памяти она ремонтируется едва ли не больше, чем работает в обычном режиме. Но её интерьеры известны практически всему бывшему Союзу. Именно в ней остановился чикагский наёмный убийца Джонни Поллак (Ян-поляк) в польско-советском фильме 1988-го года «Дежа вю». Булочная, где гангстер Мик Нич (до поездки в Америку – одессит Микита Нечипорук) наладил подпольное самогонование, в фильме рядом с гостиницей – по диагонали через дорогу. Увы, в пешеходную экскурсию её не вписать: примерно по этой диагонали пришлось бы пройти шесть кварталов. Центральная городская библиотека имени Ивана Яковлевича Франко, сыгравшая роль булочной, спрятана в Книжном переулке неподалёку от пересечения Преображенской и Малой Арнаутской улиц, в квартале от Привоза. Режиссёр Юлиуш Махульский не зря боролся с географией: здание симпатичное.

По Пушкинской сразу за «Красной» – дом, из-за которого улица получила название. В первом из двух дворов скромного двухэтажного здания Александр Сергеевич Пушкин, работая в Одессе (он считал назначение в аппарат генерал-губернатора Новороссийского края ссылкой), снимал скромную квартиру.

Во время осады города в Великой Отечественной войне в дом попала авиабомба. По счастью, в другое его крыло: музей уцелел. Переживший свою славу поэт Ефим Алексеевич Придворов – Демьян Бедный – по горячим следам события написал:

Тот дом, где Пушкин жил, творил,
Стервятник вражий разбомбил.
Но есть особая примета,
Значенья тайного полна:
Неповреждённой одна
Осталась комната поэта.

Правда, комната была не одна, а 6–8 – смотря как учитывать мелкие чуланчики для прислуги. Учитывая крепостной и наёмный персонал, да ещё и надобность достойно принимать многочисленных гостей, это и впрямь скромно.

Рядом с домом – статуя поэта, немногим выше оригинала: в нём было 158 см. В руках за спиной зажата железная трость. Пушкин и впрямь постоянно её носил: лихому дуэлянту – фехтовальщику и стрелку – нужны сильные руки. Правда, одесситы то и дело воруют трость – но у города ещё хватает денег, чтобы регулярно устанавливать новую.

Старина и нувориши

Почти напротив дома Пушкина – в доме № 12 – дворик искусств. В историческом плане он ничем особым не знаменит – разве что мемориальной доской в честь жившего там когда-то поэта Бориса Андреевича Нечерды. Но несколько лет назад внутри двора сделали художественную роспись, и с тех пор в нём то и дело проводятся выставки, уличные спектакли, концерты... Легенды можно творить и на ровном месте.

Стены дома – как и большинства других старых зданий на Пушкинской – заметно облуплены. Это – наследие главного архитектора Василия Ивановича Мироненко (с его подвигами мы по ходу экскурсии столкнёмся ещё не раз).

В середине 1980-х он был одержим идеей восстановления старинного исторического облика центра города. В частности, изыскал в архивах первоначальную расцветку всех домов на Пушкинской и решил её восстановить. А чтобы она продержалась подольше – использовал не классические краски на штукатурной основе, а новомодные влагоотталкивающие силиконовые.

Практически весь центр Одессы выстроен из ракушечника – известняка, так мало спрессованного пребыванием под землёй, что в нём отчётливо видны раковины, из которых известняк формируется. Ракушечник очень рыхлый и впитывает воду как губка. Дождевая вода из почвы пропитывает снизу вверх всё здание. Через обычную штукатурку она быстро испаряется. Силиконовое покрытие удерживает её в стенах. Здания стали размокать.

По счастью, первым размок поверхностный слой, прилегающий к новой краске. Она стала отслаиваться громадными лоскутами. Здания остались целы. Но фактура поверхности ракушечника нарушилась. С тех пор штукатурка на Пушкинской осыпается значительно быстрее, чем до реставрации по Мироненко.

Дальше по Пушкинской – на углу Греческой улицы – забавный реликт тех времён, когда трамвай в Одессе только начинали строить бельгийцы. Трансформатор одет в круглый вращающийся кожух. Открытая дверь обеспечивает доступ к нужному месту конструкции. Благодаря этому внутри не нужно резервировать место для работы ремонтников, и будка занимает минимум дефицитной городской земли. Трамвай давно снят, да и кожух от старости и недостатка ухода уже не проворачивается свободно. А когда-то, чтобы раскрутить его, хватало моих слабых детских рук.

На другом углу тех же улиц дворец известного молдавского дворянского рода Абаза. В советское время в нём разместился музей западного и восточного искусства (есть в нём и северное, и южное, но в название не попало). Дворец давно в аварийном состоянии. Но в городском бюджете денег на ремонт, как всегда, нет, а частные инвесторы согласны оплатить работу только в обмен на часть дворцовых помещений. Сейчас наскребли немного на самые первоочередные нужды, так что дом уже в лесах.

Нехватка денег на ремонт старых домов не мешает строить новые. Кварталом ниже на углу Греческой и Польской улицы (в советское время – улица Гарибальди: когда знаменитый итальянский революционер ещё был простым матросом, он не раз бывал в нашем порту) целых два свеженьких элитных жилых здания. Кроме того, в начале идущего параллельно улице Польского спуска здание завода секретной электроники «Эпсилон», построенного в советское время, радикально реконструировано, а рядом с мостом, соединяющим части Греческой поверх спуска, пристроен большой офисный центр.

Проходной по вертикали двор

В центре Одессы несколько спусков – глубоких оврагов, выходящих к морю. Польский спуск в советское время назывался в честь начальника штаба Красной гвардии города Моисея Исааковича Кангуна, смертельно раненного неподалёку – на Пушкинской – в 1917-м.

Рядом с новым жилым домом, нависающим над Польским спуском – старый. Вход в него с Польской улицы по новой моде закрыт кодовым замком – но простейшего образца, так что чаще всего по ходу экскурсии удаётся туда проникнуть. Второй вход – с Польского спуска – двумя этажами ниже: дом выстроен на крутом склоне. Таких домов в центре всё меньше: часть снесена, часть перекрыта замками покруче.

Двор этого дома изнутри опоясан балконами. Входы в квартиры – с этих (так называемых итальянских) балконов. Таких домов в исторической части города немало: среди первостроителей Одессы были и эмигранты из десятков нищих голодных – да ещё и разорённых наполеоновскими войнами – мелких государств, на которые в ту пору была поделена Италия.

Адмирал Одессы

На углу Польской и Дерибасовской улиц – памятник адмиралу Хосе Мигелевичу де Рибас и Бойонс. В натуральную величину, причём довольно скромную: внутренние помещения тогдашних парусников далеко не просторны, и гиганты бывали в основном среди рядовых матросов, проводящих почти всё рабочее время на палубе и мачтах. За скромное телосложение и специфическую позу памятник прозван «кузнечик».

Когда гребная флотилия под командованием Осипа Михайловича Дерибаса (так он звался на русской службе) участвовала в штурме крепости Хаджибей, он ещё был контр-адмиралом. За эту победу произведён в вице-адмиралы. Адмиралом стал уже при императоре Павле I – в 1799-м. Но главное – будучи уже вице-адмиралом, участвовал в проектировании порта и города на месте турецких укреплений, призванных как раз не допустить использования удобнейшей бухты в качестве порта: турки в последние годы владычества северным берегом Чёрного моря панически боялись русских морских десантов. Кстати, именно это радикальное различие назначений турецкого и русского города не позволяет считать Одессу прямой наследницей Хаджибея. Отсчёт жизни Одессы идёт со 2 сентября 1794-го, когда императрица Екатерина Великая утвердила проект, подготовленный при участии Дерибаса.

План будущего города памятник держит в руках. После утверждения строительство началось сразу в восьми ключевых точках. Благодаря этой стратегической хитрости Одесса уже в момент рождения стала большим городом. Не зря главная улица города названа Дерибасовской!

Пароходы и язык

Поднимаемся к Пушкинской. Справа – комплекс зданий Черноморского пароходства (ЧМП). Он занимает почти весь квартал. Входы в его дворы – с двух улиц: Дерibasовской и параллельной ей Ланжероновской

(в советское время – улица Ласточкина по партийному псевдониму главы Иностранной коллегии – группы коммунистической агитации в войсках иностранных интервентов – Ивана Фёдоровича Смирнова). В советское время ЧМП было крупнейшей судоходной компанией в мире. В первые постсоветские годы все пароходства СССР разворовывались. ЧМП поставило рекорд: судов в нём вовсе не осталось. Сейчас немалая часть зданий уже сдана в аренду.

Напротив – во дворе дома № 3 – памятник создателю языка эсперанто Лазарю Марковичу – Людвигу – Заменгофу. Окулист из Белостока (в русской тогда части Польши), опубликовавший в 1887-м учебник *Lingvo internacia* – Международный язык – под псевдонимом *Doktoro Esperanto* – Доктор Надеющийся, в городе не бывал. Но в 1956-м – сразу после отмены установленного в 1937-м запрета на изучение эсперанто в СССР – живший в этом дворе скульптор Николай Васильевич Блажков изваял бюст учителя в двух экземплярах. Один подарил болгарской эсперанто-ассоциации. Вторым накрыл оголовок водосборной цистерны в центре двора, в небольшом садике. Несколько лет назад под бюст подвели новый постамент – пышный, но уже без одесского колорита.

В подъезде дома – офис строительной компании *Monsieur*. На табличке – гордый латинский девиз: *sic volo, sic jubeo, sit pro ratione voluntas* – так хочу, так желаю, будь вместо довода воля. С античных времён эта формула – обозначение высшей степени бесосновательного произвола. Интересно, каковы взаимоотношения этих строителей с заказчиками?

В этом же доме отмечен мемориальной доской живший там во время войны Николай Артурович Гефт. Фольксдойче – немцы, рождённые в других странах – пользовались доверием национальной социалистической немецкой рабочей партии. Гефт работал на громадном судоремонтном заводе рядом с портом. Заодно возглавил подпольную группу. Под его командованием не только шли «на Большую Землю» сообщения обо всех входящих в порт и выходящих оттуда судах противника, но и проведено множество диверсий по методу, разработанному французами в Первую Мировую войну (когда север и северо-запад страны были оккупированы теми же немцами): кусок взрывчатки оклеивается углём до полной бесформенности и бросается в общую кучу, откуда бункеруются паровозы или пароходы; взрыв в топке разрывает паровой котёл, и накопленная там энергия рвёт локомотив или судно в клочья. Погиб Гефт уже после освобождения Одессы – в разведке под Краковом.

Старая работа

Поднимаемся дальше – на Пушкинскую – и по ней направо. Дерибасовская улица, конечно, очень хороша – но по ней любой приезжий гуляет и без всяких экскурсоводов. Тем более что реальная Дерибасовская, увы, не дотягивает до уровня легенд о ней: легенды в Одессе всегда строят лучше, чем здания.

Через квартал – на углу Пушкинской и Ланжероновской улиц – старейший в мире непрерывно действующий участок мостовой. Он вымощен клинкером – сплавом песка и глины с добавкой известняка для легкоплавкости. Искусственный камень, разработанный в середине 1840-х, прочен, но по тому времени баснословно дорог: нефть и газ тогда ещё не добывали, да и добычу каменного угля только начали осваивать в промышленных масштабах, так что топливо, нужное для расплавления компонентов, было весьма недёшево. Поэтому изобретатель предложил свою новинку одному из богатейших городов тогдашней Европы. Местная власть решила сделать экспериментальную площадку. Очень скоро выяснилось: гладкий клинкер в дождь и даже туман становится таким скользким, что лошади падают. Опыт признали неудачным, но демонтировать готовое мощение не стали. С тех пор жёлтая мостовая не перестилалась.

Лет сорок назад под клинкерной площадкой прорвало водопровод. Приехали ремонтники с экскаватором. Жители соседних домов уселись на мостовой и трое суток держали оборону, пока ремонтники вручную подкапывались к трубе сбоку. К сожалению, пару лет назад история повторилась с худшим результатом. На месте клумбы, тянувшейся посреди нижнего квартала Ланжероновской, обустроили автостоянку. Заодно переложили примыкающую к ней полосу клинкера шириной около полутора метров, чтобы укрепить песчаную подушку, на которой он лежит, и тем самым упростить разворот автомобилей. Вдобавок по центру уникального участка вбили несколько разделительных столбиков, организующих правильное автодвижение.

По счастью, основную часть площадки всё же не тронули, так что её уникальность в основном сохранена.

Музейный квартал

От площадки я веду экскурсию вниз по Ланжероновской – в Литературный музей и его сад скульптур. К сожалению, легендарные памятники – от Рабиновича из анекдотов до Одессы-мамы – нельзя включать в книгу без специального разрешения музея, так что эту часть экскурсии читателям придётся проделать самостоятельно. Это даже полезно: в натуре статуи настолько лучше, чем на фото, что книжное описание могло бы создать неверное впечатление о них.

От Литературного музея – опять вверх, к Пушкинской, и по ней направо – между Археологическим музеем (дворцом князей Нарышкиных) и музеем морского флота (в СССР было всего два музея небоевого флота – второй в Риге).

Перед Археологическим музеем – скульптурная группа «змеи, посланные богами, убивают троянского жреца Лаокоона и его сыновей». Эта копия классической античной композиции раньше стояла на углу улиц

Бунина и Преображенской. С 1988-го там – скульптура «Петя и Гаврик» в честь главных героев цикла романов Валентина Петровича Катаева «Волны Чёрного моря» Петра Васильевича Бачея и Гавриила Семёновича Черноиваненко. Изображены они в возрасте, соответствующем первому роману цикла «Белеет парус одинокий», так что Петю часто принимают не за сына скульптора (позировали ему дети), а за дочь.

Флотский музей – бывший Английский клуб – хотели после реставрации вновь сделать элитной развлекаловкой. Его колоссальная коллекция уже передана в музей порта, где, конечно, может экспонироваться лишь ничтожная её часть. Общественность протестовала – но, как известно, на постсоветском пространстве голос общественности слышен лишь тогда, когда направлен в указанную из Вашингтона сторону. Мэр же Эдуард Иосифович Гурвиц – второй (и последний) на всю Одессу еврей, публично поддержавший в 1991-м провозглашение независимости Украины от остальной России (первый – депутат тогдашнего горсовета Семён Яковлевич Печерский, объявивший себя единственным в Одессе рабочим среди евреев, за что прозван «еврей по профессии и рабочий по национальности»), рьяный приверженец рыжего бунта, да и сам вновь – после судебного проигрыша в 1998-м – оказался вознесён на мэрство именно волной рыжей пены, а посему критике снизу не подлежал. По счастью, нынешние мэр Алексей Алексеевич Костусев и губернатор Эдуард Леонидович Матвийчук решили всё же не ломать морскую традицию и обещают восстановить музей. Увы, как говорил мой бывший сослуживец Леон Абрамович Аксельрод, «в этой стране твоё – то, что ты съел вчера», так что не исключено, что музей всё же сделают очередным значимым местом.

На углах флотского музея – балконо-подобные площадки. На одной из них – на углу Пушкинской улицы и переулка Чайковского – гарпунная пушка. В стене музея – небольшое застеклённое отверстие. Когда глядишь в него, кажется, что пушка стоит, как ей и положено, на носовом возвышении – баке – китобойного судна. До самого запрета китобойного промысла к Одессе были приписаны флотилии «Слава» (на основе трофейного немецкого базового судна) и «Советская Украина» (полностью советской постройки).

Старая хлебная биржа и памятники перед ней

Рядом с археологическим музеем – старая хлебная биржа. После постройки новой тут размещаются местные власти. С советских времён и по сей день – городской совет.

Около совета – указатель всех городов-побратимов Одессы. Направления стрелок произвольные, никак не сверенные с географией – более того, крестовины со стрелками свободно вращаются на столбе. Но расстояния до всех городов указаны верно.

На площади перед горсоветом – трофей Крымской войны.

10-го по юлианскому календарю (22-го – по григорианскому) апреля 1854-го, в Страстную субботу по юлианской пасхалии, объединённая эскадра британского и французского флотов обстреляла город и порт, разрушила портовые склады и почти все дома в прилегающей к порту части города, но и сама изрядно пострадала от огня с берега. Правда, в Одессе были в основном полевые пушки, а не значительно более крупные морские или вовсе чудовищные береговые, но правило «одна пушка на берегу равноценна одному кораблю в море» никто не отменил: из 28 кораблей, целый день стрелявших по Одессе, 4 после боя нуждались в серьёзном ремонте.

Особо отличилась четырёхорудийная батарея на конце мола Практической гавани. Она была приведена к молчанию только в 13 часов, успев до того поджечь один из фрегатов. За героизм её командир – 21-летний прапорщик Александр Петрович Щёголев – произведён в штабс-капитаны. По уставу производство через чин не допускалось – а тут сразу через два! Оформили так. Выстроили личный состав батареи. «Прапорщик Щёголев! Выйти из строя! За мужество в бою 10 апреля прапорщик Щёголев производится в подпоручики. Подпоручик Щёголев! Встать в строй! Подпоручик Щёголев! Выйти из строя! За мужество в бою 10 апреля подпоручик Щёголев производится в поручики. Поручик Щёголев! Встать в строй! Поручик Щёголев! Выйти из строя! За мужество в бою 10 апреля поручик Щёголев производится в штабс-капитаны. Штабс-капитан Щёголев! Встать в строй!» В 1914-м в Москве умер генерал-майор в отставке Щёголев.

30 апреля (12 мая) англичане с французами решили вновь пострелять по городу. С учётом опыта первого боя искали место, где берег вовсе беззащитен. В море выловили шаланду и предложили двоим рыбакам, не вовремя вышедшим на промысел, выбор: либо за борт с пулей в голове, либо поработать лоцманами. Рыбаки хорошо знали местные воды: вывели флагманский пароход-фрегат «Тигр» не просто на отмель, а там, где на крутой берег, почти недоступный для тогдашних флотских пушек с ничтожным углом возвышения, можно было быстро подвезти полевую артиллерию. Очень скоро «Тигр» загорелся и сдался. С него сняли пленный экипаж и часть мебели. Поскольку подходили другие корабли, «Тигр» взорвали. Позднее водолазы подняли с него паровую машину и все 16 пушек. Их даже использовали для береговой обороны города. Одна из них – весом 4 тонны, стреляющая 40-килограммовыми ядрами – потом стала памятником на Приморском бульваре.

В начале бульвара – памятник Александру Сергеевичу Пушкину, сооружённый в 1888-м в народную складчину. Говорят, что хлеботорговцы дали куда меньше, чем от них ожидали, и поэтому памятник повернули к бирже спиной. Это, конечно, легенда: памятник в начале длинной улицы всегда повернут лицом к ней – иначе композиция нарушается.

С давних пор рассказывали, что памятник используют для проверки наблюдательности абитуриентов одесской школы милиции (сейчас – одесский государственный университет внутренних дел): им предлагают найти на фасаде памятника даты пребывания Пушкина в Одессе – 1820–1824 (он был здесь дважды: в 1820–21-м и 1823–24-м годах). Заметить их среди завитков декора действительно трудно даже на фотографии крупным планом.

Бульвар был первым в Одессе асфальтированным участком. В 1987-м очередной главный архитектор города Василий Иванович Мироненко распорядился заменить асфальт плиткой. С тех пор мощение бульвара меняют едва ли не чаще, чем латали асфальт.

Мироненко имел несомненные по тому времени основания для карьеры: в момент его попадания в главные архитекторы его брат Виктор возглавлял Центральный комитет Ленинского Коммунистического Союза молодёжи Украины (а в 1988-м занял аналогичный пост уже на всесоюзном уровне). Его профессиональные качества – судя не только по его (к счастью, немногочисленным) сооружениям в Одессе, но и по тому, что сейчас он возглавляет Одесскую областную организацию Союза архитекторов Украины – также ниже плинтуса. Проект реконструкции бульвара он заказал киевским знакомым, вовсе не знавшим города. Те решили просто привести бульвар к первоначальному состоянию – в момент застройки. Отсюда не только замена асфальта плиткой, но и решение вырубить вековые каштаны, дабы раскрыть вид зданий с моря. Одесситы окружили каждое дерево живым кольцом, не подпуская пильщиков. Поскольку уже наступила эпоха гласности, дело попало на всесоюзный телеэкран, и вырубку отменили. Правда, сразу убрать Мироненко с поста не удалось. Мы с удивлением узнали: главный архитектор Одессы утверждается не одесскими властями, а в Киеве. В этом плане, кстати, ничего не изменилось: должность всё ещё в киевской номенклатуре. Раньше хоть в Москву можно было пожаловаться...

По бульвару к Дюку

В начале бульвара – сразу после жилого дома – здания поликлиники Черноморского пароходства и санитарно-эпидемиологической службы Черноморского бассейна. После разорения пароходства поликлиника пришла в изрядный упадок, зато работы санитарным врачам прибавилось.

Гостиница на бульваре в советское время звалась «Одесса» и была тёмно-зелёной. Теперь она вновь «Лондонская» и недавно стала красной – разной яркости и насыщенности.

Дворец культуры моряков в советское время носил имя Максима Горького. Во дворце ещё с прошлого тысячелетия работает выставка ядовитых змей. Злые языки говорят: главный экспонат выставки – тёща её владельца.

С бульвара вниз – к порту – идёт не только легендарная Потёмкинская лестница. Рядом с ней ещё в XIX веке был смонтирован фуникулёр. Латинское *funicula* означает качели. Кстати, известная итальянская песня *Funiculi – Funicula* написана для праздника открытия в Неаполе фуникулёра к кратеру Везувия. В этой конструкции два вагончика подвешены к концам одного троса и взаимно уравнивают друг друга. В одесском фуникулёре вагончики двигались по одним и тем же рельсам. Только посередине – на уровне входа в парк на ровной террасе по центру склона – был небольшой разъезд. Над ним проходил мостик, соединяющий лестницу с пешеходным уступом склона. В 1960-е годы фуникулёр снесли и на его месте построили эскалатор из четырёх секций: склон более пологий, чем стандартный эскалатор, и между секциями были большие горизонтальные площадки. В первые годы независимости денег на ремонт эскалатора не было, и он в конце концов пришёл в негодность. Сейчас на его месте конструкция, по старой памяти названная фуникулёром. На самом деле это два независимых друг от друга лифта на самостоятельных наклонных рельсах, и каждая кабина уравновешена собственным противовесом. Вдобавок вагончики старого фуникулёра были открытыми, а нынешние лифтовые кабины из прочного стекла очень слабо вентилируются. Зимой это удобно, но летом – когда лифтами пользуются особо активно – за несколько минут ожидания старта и самого движения можно насквозь промокнуть от пота. Впрочем, обзор – что из фуникулёра, что с эскалатора, что из лифта – неизменно хорош, и прокатиться стоит, просто чтобы полюбоваться зелёным склоном и портом.

Сама Потёмкинская лестница получила это название только в 1955-м – к 50-летию восстания на броненосце «Князь Потёмкин Таврический». До того это грандиозное (на постройку ушли баснословные в 1825-м 800 тысяч рублей) сооружение, подаренное генерал-губернатором Новороссийского края графом (а впоследствии – светлейшим князем) Михаилом Семёновичем Воронцовым жене Елизавете Ксаверьевне (урождённой графине Браницкой), называлось просто Приморской или Бульварной лестницей. Архитектор Франческо Карлович Боффо разбил 200-ступенную лестницу на 10 уступов, чтобы на горизонтальных площадках пешеход при подъёме мог перевести дух. Глядишь сверху вниз – видишь только площадки, снизу вверх – только ступени. Правда, ступени пролёта, на котором стоишь, видны в любом случае – но это уже не зависит от искусства архитектора. Как не зависит от него и укорочение нижнего пролёта на 8 ступеней: ещё до революции при реконструкции уровень Приморской улицы (в советское время – улицы Суворова) подняли на метр с лишним. Ширина лестницы наверху 12,5 м, внизу – 21,7 м. Благодаря этому при взгляде сверху лестница кажется почти не сужающейся, зато при взгляде снизу стремительно сужается к композиционному центру – воздвигнутому при том же Воронцове на Приморском бульваре памятнику генерал-губернатору Новороссийского края Арману Эмманюэлю Софи Сеттимиани Луи-Антуановичу де Виньеро дю Плесси, графу де Шинон, герцогу де Фронсак, герцогу де Ришельё – правнучатому племяннику легендарного кардинала. Герцог – немецкий

титул, во французском языке ему соответствует дюк (от латинского *dux* – ведущий). Поэтому Одесса с незапамятных времён зовёт памятник просто Дюк.

Дюк положил начало экономическому процветанию города и порта. Конечно, ему помогла и сама эпоха. Наполеоновские войны изрядно разорили Средиземноморье, и для русского хлеба открылся громадный рынок сбыта. Но ведь надо было ещё благоустраивать порт, сооружать в нём зернохранилища, улучшать ведущие к порту дороги, обустраивать быт самих горожан (не только связанных с торговлей, но исполняющих и множество иных функций, жизненно необходимых в сложнейшем городском организме)... Потомок знатнейшего рода не гнушался лично вникать в деловые и хозяйственные тонкости, оказался блестящим организатором. По окончании наполеоновских войн он ушёл на понижение – в премьер-министры Франции. Именно на понижение: Бурбоны – да и многие иные дворяне, оставшиеся в окружении королевской семьи – за время изгнания, как известно, «ничего не забыли и ничему не научились», так что пытались всерьёз восстановить старые порядки, уже породившие революцию. Ришельё взялся за премьерство только по личной просьбе императора Александра I Павловича Романова, желавшего иметь своего человека на ключевом посту у потенциального противника. Он возглавил правительство в 1815-м, но уже в 1818-м ушёл в отставку, не желая толкать страну в прошлое. В 1820-м вернулся, ибо его преемник действовал слишком уж опасно. Но в 1821-м ушёл вновь – уже по состоянию здоровья. И умер в 1822-м, не увидев, как следующие премьеры под давлением королей довели страну до новой революции – 1830-го года, вовсе покончившей с династией Бурбон.

Есть у памятника забавная особенность: если посмотреть на него с определённой точки, зажатый в левой руке свиток и складки одежды напоминают весьма пикантные части тела. На этой точке с незапамятных времён – люк городского водопровода, так что одесситы советуют: посмотри на Дюка с люка!

При обстреле Одессы во время Крымской войны медная доска с перечислением основных заслуг генерал-губернатора пробита в нескольких местах. Этот же обстрел отколол угол гранитного постамента. После войны угол заделали чугунной накладкой, куда вварили одно из найденных после обстрела пушечных ядер. На накладке – дата обстрела: Страстная Суббота 1854-го.

На трёх сторонах постамента – бронзовые символы источников процветания города: богиня плодородия Церера, богиня правосудия Фемида, бог торговли (и покровитель мошенничества) Меркурий. Причём Фемида без традиционной повязки на глазах: одесситы не верят в беспристрастность суда. И Меркурий без положенных крылатых сандалий – чтобы не сбежал из города.

Циркульные дома

За спиной Дюка – симметричные дома, прозванные циркульными за углублённые по окружности фасады.

В левом до революции была гостиница. В ней останавливались, в частности, увековеченные мемориальными досками литературный критик Виссарион Григорьевич Белинский и актёр Михаил Семёнович Щепкин. В советское время здесь разместились пассажирские кассы Черноморского морского пароходства. После полного разграбления ЧМП помещение занял ресторан. Первоначально он назывался «Дежа вю» и был оформлен в стиле фильма: правая половина – под Чикаго 1920-х, левая – под нэповскую Одессу. Сейчас ресторан зовётся просто «Бульвар» и ничем особым не отличается.

В правом до революции был суд. Знаменит он, в частности, тем, что там в последний раз – в 1916-м – судили знаменитого налётчика из Бессарабии (ныне – Молдавии), потомка (по отцу) старинного польского дворянского рода Григория Ивановича Котовского. С одного из предыдущих судебных процессов ему даже удалось бежать. Но в Одессе подобные фокусы не проходят. По законам военного времени его приговорили к смертной казни, но заменили пожизненной каторгой. На каторге он познакомился с одесситом Мойше-Яковом Меер-Вольфовичем Винницким, осуждённым в 1907-м за участие в анархистских экспроприациях – грабежах с политической мотивировкой. Знакомство было основано на сходстве профессий: Котовский отчислял революционному подполью немалую часть награбленного. Вскоре обоих освободила амнистия, объявленная министром юстиции Временного правительства Александром Фёдоровичем Керенским в честь Февральской революции.

В Одессу они вернулись вместе. Вокруг Винницкого, за характерный разрез глаз прозванного Мишка Япончик, быстро собрались едва ли не все одесские «силовые» преступники – уличные грабители, налётчики, взломщики. Он организовал их соучастие с революционным подпольем, где активно действовал Котовский, пользуясь своим былым навыком проникновения в высшее общество для изучения поля предстоящего боя. Налёт на Одесскую тюрьму, откуда было выпущено примерно семь сотен заключённых, бандиты и подпольщики провели совместно.

После прихода Красной армии в Одессу Котовский возглавил кавалерийский отряд, Винницкий собрал из уголовников и прочих добровольцев пехотный полк. В первом бою полк успешно потеснил петлюровцев, но на следующий день при их контратаке запаниковал, покинул позиции, захватил пару поездов и направился вновь в Одессу. Многие полагают: дело не в панике, а в каком-то ложном известии. Увы, доселе неведомо в каком: Винницкий, пустившийся в погоню на спецпоезде, по дороге задержан чекистами в Вознесенске и убит. Котовскому повезло больше: его бригада после нескольких удачных боёв обрела уверенность в себе и дальше действовала успешно. По окончании Гражданской войны бригада, выросшая уже до корпуса, дислоцировалась на узловой железнодорожной станции Бирзула. В 1925-м Котовского, отдохавшего в Чебанке, убил бывший адъютант Винницкого Мейер Зайдер – по официальной версии, за то, что комкор переспал с его женой, а по неофициальной за то, что как раз перед этим народный комиссар обороны Михаил Васильевич Фрунзе назначил Котовского своим заместителем. Станцию Бирзула переименовали в Котовск. Зайдер получил 10 лет, отсидел 2, а ещё через 2 был застрелен тремя ветеранами Котовского. Их за это убийство вовсе не осудили.

В советское и постсоветское время в здании бывшего суда постоянно размещаются организации, связанные с контролем международной торговли через Одесский порт. Их было столько, что перечислить все их вряд ли смогут даже сами сотрудники той организации, что базируется в доме в данный момент.

Дорога ко дворцу

Вторая половина бульвара не так интересна.

Находящаяся на ней смотровая площадка, откуда открывается прекрасный вид на порт, сейчас отрезана от бульвара мощной оградой, а настил площадки разрушен: укрепления склона, над которым проходит бульвар, обветшали, и пока их не отремонтируют, любой настил будет ненадёжен.

Посередине квартала – бывшее здание Жовтневого (Октябрьского) районного совета. В 1990-м его возглавил один из богатейших в городе кооператоров – Эдуард Гурвиц. Отсюда он в 1994-м прыгнул в мэры.

Я – как идейный противник Гурвица – тогда работал в предвыборном штабе его главного оппонента – главы городской комиссии по приватизации Алексея Алексеевича Костусева. По ходившим после выборов слухам, во втором туре в Жовтневом районе были заранее заготовлены два комплекта бюллетеней со всеми необходимыми печатями и подписями: своя рука – владыка; сразу после голосования содержимое избирательных урн перекочевало в мусорные, а в городскую избирательную комиссию отправился второй комплект с галочками в нужных местах. Слухи к делу не подошьёшь, но по всем остальным семи тогдашним районам города Костусев опередил Гурвица примерно на сорок тысяч голосов, а с учётом Жовтневого – отстал на две тысячи. Костусеву пришлось бежать из города: в ходе кампании в него уже стреляли из автомата через стальную дверь квартиры. Потом он много лет возглавлял Антимонопольный комитет Украины, затем – депутат Верховного Совета, а с октября 2010-го – мэр Одессы (я, понятно, за него агитировал).

Несколько лет назад из восьми одесских районов сделаны четыре. В частности, Жовтневый и мой родной Центральный включены в состав Приморского. Укрупнение улучшает шансы районных руководителей на прорыв в мэры.

Гурвиц же и дальше избирался странно. На выборах мэра в 1998-м команда его основного противника – главы областной администрации Руслана Борисовича Боделана – аккуратно фиксировала все случаи, когда команда Гурвица играла за гранью фола. Документов набралось достаточно, чтобы на нейтральной почве – в Кировоградском областном суде – выборы признали недействительными. Городская избирательная комиссия шестью голосами против четырёх не допустила Гурвица к повторным выборам – и мэром избран Боделан.

Правда, в 2005-м Гурвиц тем же способом опротестовал результат неудачных для него выборов 2004 года и вернулся на мэрство.

Дальше на бульваре в советское время находился НИИ по разработке оборудования стекольных заводов. Сейчас он, увы, исчез.

Заканчивается бульвар большой клумбой. На её месте много лет стоял памятник дважды Герою Социалистического Труда конструктору мощных ракетных двигателей Валентину Петровичу Глушко. В середине 2000-х Гурвиц перенёс памятник на названную в честь Глушко улицу в одном из спальных районов города – посёлке Таирова. Мэр тогда заявил, что стремится воссоздать исторический облик бульвара в надежде включить его в список объектов культурного наследия, составляемый ЮНЕСКО. По этой же причине от клинкерной мостовой убран памятник апельсину, спасшему наш город. Правда, не вполне ясно, как вписывается в исторический облик автостоянка на месте старинной клумбы рядом с этой мостовой.

Воронцовский дворец

Бульвар упирается во дворец, где жил генерал-губернатор Новороссийского края Михаил Семёнович Воронцов. После революции во дворце собрался первый Совет рабочих депутатов Одессы. Затем здание стало дворцом пионеров. После войны он получил имя Яши Гордиенко: Яков Яковлевич родился

в 1925-м, в войну стал связным базировавшегося в легендарных одесских катакомбах партизанского отряда Владимира Александровича Молодцова (также известного под псевдонимом «Бадаев»), в 17 лет – уже не в пионерском, а в комсомольском возрасте – казнён румынами.

Перед дворцом – большая дугообразная беседка с массивными колоннами. Граф – англоман, как большинство Воронцовых – каждое утро начинал с чаепития в беседке. Попутно считал корабли в порту. Если их оказывалось меньше, чем вчера – тут же посылал адъютанта для выяснения: что случилось и какие меры нужны для исправления положения.

Дворец стоит ниже беседки. По бокам лестницы, соединяющей площадки с дворцом и беседкой, две статуи львов. На моей памяти – то есть уже более полувека – их нижние челюсти отбиты, и никто не удосужился их реставрировать. Даже попутно с реставрацией самого дворца: в советское время он горел примерно раз в десять лет. Пожары были небольшие, но достаточные, чтобы очередная ревизия гарантированно не нашла доказательств нарушений.

На одной из стен дворца – несколько надписей белой арабской вязью на синем фоне. Немногочисленные одесские арабисты долго пытались их прочесть. Когда в 1960-е у нас стали учиться студенты из арабских стран, им тоже не удалось расшифровать надписи. Очевидно, русские мастера, строившие дворец, изобразили арабский текст в меру своего художественного чутья.

Дворец, как говорится, изнутри больше, чем снаружи: архитектура и отделка помещений создают ощущение простора, неожиданного в двухэтажном особняке. Своеобразие проекта и в том, что вспомогательные службы – комнаты многочисленной прислуги, кухня, конюшня – вынесены в одноэтажное круглое здание по соседству, дабы никакие посторонние запахи не оскорбляли обоняние графа и его гостей. Здание также вошло в состав дворца пионеров. Сейчас там множество кружков, включая прекрасную хореографическую студию.

К 200-летию Одессы – 2-го сентября 1994-го – на площадке между зданиями установлен памятник в виде традиционного для Одессы оголовка водосборной цистерны. Вместо стоек для ведроподъёмного ворота – две кариатиды. На памятнике написано латинское «*familia urbi et orbi*» – семья городу и миру. Какая семья имеется в виду, понятно: в этот момент мэром был Гурвиц.

Тёщин мост

Приморский бульвар отделён от бульвара Искусств (в советское время – Комсомольского) глубоким оврагом – Военным спуском (в советское время – спуск Жанны Лябурб в честь французской коммунистки, успешно распропагандировавшей едва ли не всю французскую оккупационную эскадру, стоявшую в Одессе в 1920-м, но арестованной и убитой вместе с Ласточкиным). В конце 1960-х через ближайшую к порту часть спуска переброшен – и в 1968-м открыт – большой мост. Официально его тогда назвали Комсомольским. Но в народе рассказывали: тёща тогдашнего первого секретаря обкома компартии Михаила Сафроновича Синицы жила на Комсомольском бульваре, и он решил сократить дистанцию прогулок к тёще на блины. Это маловероятно: к такой должности прилагался служебный автомобиль, а мост – пешеходный. Но легенда сильнее реальности: мост прозвали Тёщиным.

Сразу после открытия мост изрядно пошатывался (в центре – сантиметров на пять вверх – вниз). Чтобы устранить качание, плитку покрытия заменили более тяжёлой и толстой. Так что мост изначально перегружен сверх проекта. К чести проектировщиков, он это выдержал.

Перила моста первоначально были высотой немногим более метра. После нескольких самоубийств сверху приварили дополнительную решётку. Потом – при ремонте моста – сделали новые перила, высотой почти в человеческий рост. Перелезть их довольно трудно.

На решётку перил – по недавно распространившейся моде – молодожёны вешают замок и выбрасывают ключ в знак нерушимости брачных уз. Коллекцию разнообразных замков время от времени срезают службы, ухаживающие за мостом: тысячи висячих замков – тоже немалая перегрузка.

С самого моста и площадки между ним и Воронцовской беседкой хорошо видны Военная – наименьшая – гавань порта с немногочисленными сторожевиками и гидрографическим судном (иногда туда заходит также учебный парусник) и недавно построенная над портом подвесная автомобильная эстакада. Раньше в порту автомобильное и железнодорожное движение пересекались. Теперь то и другое происходит без помех. Пропускная способность порта заметно возросла. К сожалению, кризис уже повлиял на грузооборот. Да и Россия методично переводит свои грузопотоки в собственные порты, дабы не зависеть от капризных соседей – Украины и Прибалтики. Уж и не знаю, успела ли постройка громадной эстакады окупиться.

На мост я вывожу экскурсантов прямо от беседки, куда выхожу с бульвара, мимо дворца. К самому дворцу возвращаюсь с середины моста, откуда видны дома на Военном спуске. Обычно я прошу обратить внимание на вход в один из них. Но пока не объясняю зачем.

Воронцовский переулок

Переулок, в советское время названный Краснофлотским, начинается от Приморского бульвара. Но я вывожу туда своих гостей через площадку между Воронцовским дворцом и вспомогательными службами, попутно показав и здание этих служб, и арабские надписи на дворце.

Во двор дома № 4 сейчас не зайти: электронный кодовый замок надёжно защищает покой жильцов. А ещё недавно можно было пройти через парадную в глубине двора во внутренний дворик и, спустившись по лестницам на 4 этажа, выйти на Военный спуск – на то самое место, что я указывал с моста.

Тем не менее я прошу гостей остановиться у ворот и присоединиться ко мне только по моему знаку. Прохожу немного вперёд по нечётной стороне переулочка и даю сигнал. Подойдя ко мне, люди смотрят на тот же дом № 4 и неизменно поражаются: дом выглядит состоящим из единственной стены.

Остановиться я прошу не зря: стоит пройти ещё пару метров – иллюзия пропадает. Из-за особенностей старинной нарезки земельных участков в центре города один из углов этого дома – не 90°, а 45°. Как только видны обе стены, образующие этот угол, становится ясно: дом не декоративный, а просто не вполне удобный для жилья.

Дальше прошу заглянуть во двор, мимо которого мы проходим. Там видна одна из типичных особенностей старых одесских дворов – небольшой садик в центре. В жарком южном городе зелень жизненно необходима.

На выходе из переулочка – ещё одна достопримечательность, уже практически недоступная взгляду прохожего. В последнем доме нечётной стороны парадная имеет редкую овальную форму. Вдоль стены идёт овальная же винтовая лестница. Увы, её художественные фотографии, сделанные моим братом, затерялись в домашнем архиве. Вход же в парадную недавно закрыт надёжным замком, и ключи – только у жильцов. А через окно парадной можно разглядеть лишь небольшой кусочек овала – и никак не сделать понятного снимка. Только если удастся подстеречь момент, когда из парадной выходит кто-то из сотрудников ресторана, находящегося в этом доме, или жильцов, можно попросить разрешения полюбоваться архитектурной редкостью.

Екатерининская площадь

На выходе из переулка слева вновь виден Дюк, но мы идём направо – к памятнику императрице Екатерине II Алексеевне Романовой – до брака Софии Августе Фредерике Христиан-Августовне Аскания, наследнице герцогства Анхальт-Цербст – и её сподвижникам.

По дороге пока ещё можно (кодовый замок на воротах уже есть, но днём, как правило, не заперт) заглянуть во двор рядом с иностранным отделом областной научной библиотеки имени Максима Горького. Планировка двора редкостная: от центрального отходят ещё три, образуя крест. В центре двора был фонтан, но сейчас его снесли для упрощения парковки автомобилей, принадлежащих жильцам. В проезде, соединяющем левый дворик с центральным, в советское время подвешена квартира, занимающая верхнюю половину его высоты: жильё в центре города всегда дефицитно. В аналогичном проезде справа такая же квартира уже сломана, но след от неё ещё можно разглядеть. Как можно разглядеть в правом дворике следы наружной винтовой лестницы, куда выходили двери всех кухонь: до революции в любой приличной квартире были отдельные ходы для хозяев и прислуги.

Выходим к памятнику. Императрица – на круглом постаменте. По бокам его стоят: Григорий Александрович Потёмкин – многолетний любовник Екатерины, светлейший князь Таврический, руководивший отвоеванием у турок северного побережья Чёрного моря и его хозяйственным освоением; Хосе Мигелевич де Рибас и Бойонс – покоритель крепости Хаджибей и организатор строительства Одессы; Франсуа Поль Сен де Волан – разработчик первого плана города и порта; Платон Александрович Зубов – последний любовник Екатерины, князь, генерал-губернатор Новороссийского края при основании Одессы.

Любовников у Екатерины было немало. Но практически все они – весьма известные и умелые государственные деятели той эпохи. Похоже, она – в соответствии с весёлыми нравами XVIII века – вознаграждала за высшие заслуги своим телом вместо орденов. Правда, к телу прилагались и немалые пожалования деньгами, землями, крепостными душами. Так ведь и нагрузка была преизрядная: тот же Потёмкин полжизни провёл в разъездах по стране – то координируя боевые действия нескольких армий, то обустроивая завоёванные земли.

Памятник возведён к 100-летию города. В советское время его снесли. В 1965-м – к 60-летию восстания на броненосце «Князь Потёмкин Таврический» – на этом месте поставили памятник участникам восстания, вырывающимся из-под брезента после несостоявшегося расстрела. Сейчас он перенесён на угол Польского спуска и Приморской улицы – к служебному входу в порт.

Памятник основателям Одессы воссоздали в 2007-м. Национально озабоченное подавляющее меньшинство попыталось этому помешать. Екатерину они искренне ненавидят – как ненавидят любого, кто сделал хоть что-то для развития страны: хоть Кагановича, заставившего всех жителей юга Руси выучить искусственно разработанный диалект, хоть Януковича, добившегося наивысших за постсоветское время темпов роста украинской экономики. По счастью, бодливой корове бог рог не даёт. Неоднократные налёты профессиональных украинцев на стройку отбиты русским большинством, включая казаков. Вышиваночникам не удалось даже сорвать митинг при торжественном открытии памятника. И ходит устойчивый слух: их предупредили, что при попытке изувечить памятник все пытающиеся получат аналогичные увечья.

К Сабанееву и Менделееву

От площади отходит Екатерининская улица. Иногда я веду экскурсию по ней в Пале Рояль и оттуда к театру. Но чаще иду к мосту, переброшенному через начальную часть Военного спуска. Мост назван в честь генерала от инфантерии Ивана Васильевича Сабанеева. Версий происхождения названия так много, что я не рискую остановиться ни на одной из них.

По дороге к мосту несколько красивых зданий – например, внушительный дом треста ЧерноморГидроСтрой. Но главное – школа имени Петра Соломоновича Столярского. Сам профессор, основавший первую в стране специализированную школу для музыкально одарённых детей с интернатом (так что туда принимали детей со всего юга страны), говорил (с акцентом) «школа имени мне». Мемориальных досок в честь великих учеников нет – иначе они давно заняли бы всю поверхность стен, включая окна. Я, увы, лишён музыкального слуха и очень слабо ориентируюсь в музыке, а потому, конечно, помню лишь очень немногих – Эмилия Григорьевича Гилельса, его сестру Елизавету, Бориса Эммануиловича Гольдштейна, Давида Фишелевича Ойстраха, Оскара Борисовича Фельцмана. С некоторыми выпускниками школы Столярского я знаком лично – но не уверен, что они хорошо известны моим гостям, а потому и не называю их.

За Сабанеевым мостом – популярная в Одессе загадка: как пройти с улицы Менделеева в переулок Менделеева? На нечётной стороне переулка находился Жовтневый райком партии (сейчас в этом здании – центр детского досуга, художественная галерея «Мост» и городской отдел культуры). Коммунистические начальники сочли переулок ниже своего достоинства и переименовали нечётную сторону в улицу. Чётная – с домом учёных – осталась переулком. Сейчас на табличках с названием просто не пишут ни «улица», ни «переулок».

Дом учёных находится во дворце одной из ветвей разветвлённого генеалогического древа графов Толстых. Одну из лестниц этого дворца видели практически все: по ней в фильме Георгия Эмильевича Юнгвальд-Хилькевича «Д'Артаньян и три мушкетёра» герцог Бекингем поднимался в покои французской королевы Анны Австрийской в Лувре.

В доме базируется, помимо прочего, одесская эсперанто-ассоциация. Я так непростительно ленив, что в студенческие годы, хотя и ходил туда время от времени на уроки, так и не удосужился закончить изучение этого языка. До сих пор читаю с немалым трудом – и только со словарём в руках. А уж разговорной практики и вовсе не набрал. А жаль!

Улица Гоголя

Улица/переулок Менделеева упирается в эффектно декорированный жилой дом на улице Гоголя. Справа от него – дом одесской организации союза научных и технических обществ (союз несколько раз переименовывался, но его прогрессивная суть от этого не изменилась). Слева – вход во второй, новый, корпус Одесского государственного экономического университета (когда в нём – ещё в старом корпусе – училась моя мать Лина Ильинична Баум, он назывался кредитно-экономическим институтом).

Идём направо и выходим к дому, в честь которого названа улица. Николай Васильевич Гоголь жил там в 1850–51-м годах. Поскольку почти сразу по возвращении в Москву он скончался, надпись на мемориальной доске «здесь жил» ехидные одесситы дополняют словами «и от этого умер».

Мемориальных досок на доме две. Одну установили очень давно. Вторую – несколькими десятилетиями позже, когда уточнили, в каком именно крыле дома обитал великий русский писатель, певец своей малой родины.

Есть на улице и другие мемориальные доски. Здесь жил, например, знаменитый окулист и разработчик методов тканевой терапии – стимуляции организма веществами, выработанными в растениях и животных тканях, пребывающих в неблагоприятных условиях – Владимир Петрович Филатов. Основанный им научно-исследовательский институт глазных болезней и тканевой терапии (над пляжем «Дельфин» на Французском бульваре) по сей день спасает зрение многим тысячам людей ежегодно. По одной из одесских легенд, на очередной юбилей многочисленные ученики и сотни благодарных пациентов в складчину заказали для торжества громадный торт в виде человеческого глаза. Увидав его на столе, юбиляр сказал: «Хорошо, что я не гинеколог».

Дом № 9 – один из немногих, где сохранились все три характерные приметы старого одесского двора. Скаты крыш направлены только внутрь двора, но не наружу. Сам двор вымощен плотно пригнанной каменной плиткой (увы, сейчас она так изношена, что между плитками – громадные зазоры, и плотно состыкована только новая плитка, недавно уложенная внутри подъезда). В центре – посреди традиционного для старой Одессы мини-садика из нескольких клумб и кустов – оголовки водосборной цистерны (правда, стойка с воротом для вытягивания вёдер уже утеряна). Сама цистерна расположена под садиком. В неё по плиточному мощению стекает дождевая вода (и упавшая прямо во двор, и направленная скатом внутрь). Пить такую воду, конечно, нежелательно, но для хозяйственных нужд – вроде мытья и стирки – она приемлема.

Подпочвенные воды в центральной части города практически отсутствуют. Рыть здесь колодцы бесполезно: на том уровне, где можно найти воду, она в основном просачивается из моря, то есть сильно засолена. Ближайшие источники – фонтаны – в нескольких километрах от центра. Сейчас туда ходят трамваи (до Большого Фонтана от железнодорожного вокзала раньше было 16 остановок – станций; сейчас введены ещё 4 промежуточных, так и называющихся «вторая с половиной станция», «шестая с половиной» и т. п.), а в старину оттуда возили воду в бочках на конных подводах. Иной раз хитрый возчик пытался продать под видом фонтанской дождевую воду из соседнего двора. Одесские хозяйки научились проверять воду на вкус. С тех пор и появилось выражение «не фонтан» в значении «низкое качество».

Плитка во дворах – из вулканического базальта. Из него же – старые бордюры на стыках тротуаров с мостовыми и газонами. Базальт из Италии. В старых одесских домах много отделки – включая лестницы – из итальянского же мрамора. На протяжении большей части XIX века итальянские государства, разорённые наполеоновскими войнами и жад-

ностью множества мелких местных феодалов, были основными потребителями русского хлеба. На обратный путь в Одессу пустые корабли брали в трюмы каменный балласт, чтобы их не бросало на волне. Базальта и мрамора навезли столько, что хватило едва ли не на всю дореволюционную Одессу.

Один из красивейших домов – № 3 – построен для легендарного барона Фальц-Фейна – основателя заповедника Аскания-Нова на землях одного из своих многочисленных имений. Двое атлантов, удерживающих земной шар под эркерами – закрытыми балконами – этого дома, вошли в число неформальных символов Одессы. В советское время здесь жила добрая половина бесчисленных одесских композиторов. Сейчас жильцы – в основном те, кто умеет играть на финансовых струнах.

Уголок старой Одессы

С улицы Гоголя поворачиваем направо – к Тёщиному мосту. Переходить через него не нужно. На площадке перед мостом собраны архитектурные объекты, свезённые – одновременно со строительством самого моста – из сносимых старых домов в центральной части города. Соответственно вся площадка именуется уголком старой Одессы.

Сносили не только дома. Статуя на входе в уголок, по слухам, стояла над могилой одного из старых кладбищ, также снесённых под застройку.

Уголок расположен в двух уровнях. С верхней площадки к уступу на склоне Военного спуска ведёт небольшой спуск типичного для Одессы вида. Через него перекинут старинный мостик.

Спуск выводит к оголовку водосборной цистерны. Естественно, цистерны под ним нет: он тоже вывезен из старого дома. Ведро-подъёмный ворот давно выломан, но стойка для него ещё осталась. Оголовок мраморный: как я уже говорил, мрамор в Одессе был изобилен и дешёв. К сожалению, вандалы уже выкрошили несколько кусков старинного камня.

Под нижней площадкой – наклонная бетонная стена, укрепляющая склон. За четыре десятилетия сквозь бетон проросли деревья, почти закрывшие обзор двора внизу – с типичными итальянскими балконами.

На верхнюю площадку поднимаемся по лестнице. Она выводит к грифону – крылатому льву – на высоком постаменте. Второй такой же грифон, много лет простоявший рядом, исчез пару десятилетий назад – скорее всего, сейчас украшает дачу кого-нибудь высокопоставленного и щедрого.

В беседку на площадке можно подняться по уступам каменной облицовки её постамент. Лестница, конечно, не очень удобная: желательно держаться за решётку самой беседки, чтобы не соскользнуть. Но сфотографироваться в беседке традиционно необходимо. А молодожёны украшают замками не только Тёщин мост, но и решётку.

Спустившись из беседки, надо перейти мостик. Он очень крутой, так что в дождь приходится держаться за перила. Впрочем, в дождь не до экскурсий. Но каково было ходить по мостику, когда он стоял на одесской улице?

Несколько лет назад около уголка возникла палатка – кафе. Столики сейчас стоят по всей площадке чуть ли не вплотную друг к другу. На мостике по вечерам играет оркестр. А рядом с мостиком и спуском появился новодельный дачный фонтанчик, стилизованный под старину. В другом месте он был бы неплох. Но рядом с подлинной стариной выглядит явной халтурой.

Рядом с кафе недавно появилось двухметровой высоты объёмное решётчатое сердечко. По замыслу создателей, на него – а не на перила моста – надо вешать свадебные замки. Сердечко действительно сплошь увешано разнокалиберными замочками, но на перилах их от этого меньше не стало: в Одессе играют достаточно свадеб, чтобы заполнить оба сооружения.

Шах и император

Возвращаемся на улицу Гоголя. Дом № 2 построен на рубеже XIX–XX веков – в модном тогда стиле средневековья с мавританским акцентом. Более декоративный вариант того же стиля мы уже видели в самом начале экскурсии – в нём выдержана новая хлебная биржа.

В народе дом зовётся шахским дворцом. Заказчиком был, конечно, не сам иранский (тогда – персидский) шах, а один из множества его придворных, вынужденный бежать после проигрыша в очередной дворцовой интриге. Пожив несколько лет в Одессе, он на вербовал личную армию из местных уголовников (в основном – иудеев, ибо они были уже обрезаны, и их оформление под правых не требовало дополнительной операции) и с нею вернулся на родину. Его бойцы разгромили клан, когда-то его победивший, и он вновь занял привычное – и весьма выгодное – место при дворе.

В советское время дворец стал областным домом народного творчества. Сейчас в нём – Морской Транспортный банк, чьи обороты в главном торговом порту республики достаточны для дворцовой роскоши.

Мимо дворца проходим к бульвару, в советское время названному Комсомольским. Затем он стал бульваром Искусств, а сейчас – бульвар Жванецкого. На бульваре – памятник, первоначально установленный на углу Пушкинской и Ланжероновской, у клинкерной площадки. Гурвиц, возвращённый на мэрство пеной рыжего бунта, очень хотел уничтожить память о своём конкуренте Руслане Борисовиче Боделане. Но не рискнул вовсе снести памятник спасшему Одессу апельсину.

Император Павел I Петрович Романов очень не любил свою мать – императрицу Екатерину Великую – не только за убийство его отца императора Петра III Фёдоровича (до прибытия в Россию в качестве наследника престола – Карл Петер Ульрих Карл-Фридрихович, герцог цу Гольштейн-Готторп фон Унтервальден, наследник шведского престола), но и за то, что она не уступила ему трон, когда он достиг совершеннолетия, и ему пришлось пару десятилетий скучать без дела (не говоря уж о том, что она всерьёз рассматривала возможность передать престол в обход сына внуку Александру, которого воспитывала сама). Возглавив государство, он не только разогнал значительную часть деятелей, выдвинувшихся при маме, но и ликвидировал очень многие её начинания. В частности, он отменил налоговые льготы Одессе, так что развитие порта резко замедлилось, и он стал отставать от конкурирующих каналов импорта. Тогда одесситы отправили ему в подарок образец товара, ввозимого через город: три тысячи лучших итальянских апельсинов – на самых быстрых конях, чтобы в дороге не испортились. Фрукты царю понравились, и он восстановил права, предоставленные городу Екатериной. Бизнес возобновился.

Понятно, императоры взяток не берут. Но подарок напомнил Павлу: торговля жизненно важна для любой страны, и ограничивать её из чисто личных побуждений – недостойно государственного деятеля. Почаще бы нынешние властители Украины вспоминали об этом и не пытались рвать связи с остальной Россией...

Надгробие над оползнем

Дальше по бульвару три высотных для исторического центра – девять этажей – здания на общем стилобате – обширном первом

этаже. В стилобате, среди прочих торговых заведений, магазин «Медтехника», где много лет работала главным бухгалтером моя мама, Лина Ильинична Баум. Но для прочих одесситов и гостей города дома интересны прежде всего в качестве надгробного памятника оползням.

Центральная часть Одессы занимает плато, возвышающееся над уровнем моря более чем на три десятка метров. Даже если растают все льды Антарктиды и Гренландии, поднимающийся Мировой океан не дотянется до наших тротуаров. Но само плато сложено в основном из ракушечника – рыхлого и легко размываемого известняка. Время от времени море подмывает берег – и большие участки сползают, рушатся.

В начале 1950-х очередной оползень разрушил несколько домов на улице, знаменитой тем, что на ней жил сразу после Гражданской войны великий писатель Константин Георгиевич Паустовский (сейчас – Черноморская улица). После этого за наведение порядка в природе взялись всерьёз. Вдоль всего берега установили бетонный волнолом (его верх примерно на полметра ниже уровня моря, так что водообмен прибрежного бассейна с окружающей средой сохранён). Вдоль всего берегового обрыва поверх узкого каменного пляжа насыпали широкий песчаный, защищающий берег от ударов волн (песок возили с Одесской банки – отмели в полусотне миль от гавани). Внутри склона провели десятки дренажных галерей, куда уходит подпочвенная вода, так что ракушечник склонов стал заметно суше. Кстати, галереи в основном выходят на пляж. Многие, уходя домой после купания, ополаскиваются в галереях: вода там холодная, но благодаря фильтрации через толстый слой грунта довольно чистая.

Укрепили и склон в центральной части города. До него, правда, морская вода уже не дотягивается: портовые сооружения протянулись на несколько сот метров в ширину. Но дренаж для защиты от подземных вод всё равно нужен.

Когда оползание берегового склона прекратилось, на Комсомольском бульваре, где ещё недавно обваливались заметные куски бордюра и асфальта, возвели дома такого размера, какие неустойчивый грунт никак не смог бы выдержать. Они стали своеобразным надгробным памятником недавним оползням, гордым символом победы над природным дефектом одесского плато.

Герой-оружейник

В конце бульвара – бронзовый бюст на высоком постаменте. Это памятник дважды Герою Социалистического Труда Александру Эммануиловичу Нудельману – главному конструктору множества первоклассных авиапушек.

В 1933-м студент Одесского института технологии зерна и муки (так тогда называлась нынешняя национальная академия пищевых технологий) Яков Григорьевич Таубин придумал первый в мире автоматический гранатомёт для разработанных ещё перед Первой мировой войной ружейных гранат.

Ружейная граната системы Дьяконова – по сути, артиллерийский снаряд калибром 40,6 мм и массой 350–370 г – выстреливается из прочной трубки, надетой на конец ствола обычной армейской винтовки. Пороховые газы холостого патрона даже вместе с приклеенным к её дну дополнительным зарядом в 2,5 г придают ей сравнительно небольшую скорость: при такой массе импульс отдачи – на пределе прочности оружия, а уж стрелку может и просто ключицу сломать, так что огонь ведут, упирая приклад в землю (через специальную подушку, чтобы дерево приклада не треснуло). Впрочем, дальность полёта гранаты – немногим более 800 м – вполне достаточна для пехотного оружия.

Таубин решил использовать энергию отдачи для перезарядки оружия. Идея, конечно, далеко не новая: к тому времени оружие, работающее на этом принципе, существовало уже более полувека. Но ему удалось придумать сравнительно простую и надёжную конструкцию.

В народном комиссариате обороны заинтересовались предложением. Недоучившегося студента пригласили на Ковровский оружейный завод, в ту пору специализированный на выпуске пулемётов. А уже весной 1934-го создали в Москве отдельное конструкторское бюро под его руководством. Таубин, родившийся в 1900-м и пошедший учиться очень поздно, считался по тому времени достаточно взрослым для роли серьёзного начальника.

Таубин пригласил в КБ ещё нескольких студентов, знакомых ему по одесским временам. В частности, в 1935-м, сразу по окончании индустриального института (затем он стал называться политехническим, а сейчас – Одесский национальный политехнический университет), к нему пришёл Нудельман.

В 1938-м автоматический гранатомёт на нескольких разных вариантах станка прошёл государственные испытания вместе с главным конкурентом – 50 мм миномётом конструкции Бориса Ивановича Шавырина. Тогда миномёты считались самым перспективным видом пехотной артиллерии. Сформировалось весьма влиятельное миномётное лобби. Соответственно и в программу испытаний включили только те виды стрельб, что были под силу миномёту. Например, вовсе не было настильного огня – под углом менее 45 ° к горизонту: миномёт простейшей конструкции, где капсуль порохового заряда срабатывает просто от удара мины по острому стержню на дне, так стрелять не может. Понятно, в таких условиях простота конструкции миномёта выиграла, и автоматический гранатомёт оказался на вооружении нашей армии только через несколько десятилетий, когда миномёты уже исчерпали потенциал популярности.

Таубин переключился на крупнокалиберные (12,7 мм) пулемёты и малокалиберные (23 мм) автоматические пушки. В 1940-м его за новые разработки даже наградили орденом Ленина. Но доведение новых конструкций до ума затянулось, хотя их уже запустили в серийное производство. 16 мая 1941-го Якова Григорьевича с несколькими сотрудниками арестовали по обвинению в саботаже. 28 октября 1941-го он расстрелян.

По счастью, само КБ Таубина не закрыли. Оставшихся на свободе сотрудников возглавил Нудельман. Под его руководством авиапушку довели до вполне боеспособного состо-

яния. Затем на основе той же конструктивной схемы создали ещё несколько – большего калибра: 37 мм, 45 мм и даже 57 мм. Правда, 57 мм пушка давала слишком сильную для тогдашних самолётов отдачу: истребителей Як-9 с таким вооружением выпустили всего несколько десятков, и чинить их приходилось куда чаще обычного. Да и 45 мм пушка, хотя и достаточна для поражения с полёта практически любого тогдашнего танка, не прижилась: слишком уж малый боезапас мог поднять тогдашний истребитель. А уж послевоенная 76,2 мм пушка и подавно употреблялась только в наземной технике. Но 37 мм пушка уже в 1943-м стала основной для штурмовиков, да и в истребителях прижилась.

После войны КБ Нудельмана создало несколько новых, более эффективных, авиапушек калибром 23 мм, 37 мм. Был освоен и новый для нас калибр 30 мм, сейчас основной в истребительной авиации всего мира.

Кроме пушек, КБ в послевоенные годы занимается и авиационными ракетами – неуправляемыми (в основном – для обстрела больших площадей) и самонаводящимися. Сделаны там и зенитные ракеты, и противотанковые.

Не забыл Нудельман и первую свою работу. В 1971-м принят на вооружение первый в стране автоматический гранатомёт «Пламя» калибром 30 мм, разработанный им вместе с Неменовым.

Нудельман оказался не столько конструктором, сколько сильным организатором. Недаром почти все пушки, созданные под его руководством, носят по два имени: Нудельман и Суранов (НС), Нудельман и Рихтер (НР), Нудельман и Неменов (НН). Но в разработке сложных, непосильных одному человеку, конструкций организация взаимодействия множества специалистов бывает важнее проблеска свежей идеи. В авиационных конструкторских бюро работают многие сотни профессионалов высокого класса – а самолёты по сей день называют в честь создателей этих организаций. Михаил Тимофеевич Калашников знаменит именно умением удачно стыковать идеи, найденные в разное время множеством изобретателей. И Александр Эммануилович Нудельман несомненно заслужил две звезды Героя Социалистического Труда и – по тогдашнему закону – бронзовый бюст на родине дважды героя.

Преображенская улица

От памятника Нудельману можно пройти на несколько старых улиц. Но лучше всего вернуться к апельсину и повернуть перпендикулярно бульвару – на одну из главных улиц центральной части города. Правда, особых архитектурных изысков на Преображенской – особенно в её начале – немного. Зато нумерация домов напоминает об историческом курьёзе.

Впервые в России нумерацию домов ввели в столице. Опробовали разные варианты. До сих пор на доброй половине улиц центра Санкт-Петербурга, когда идёшь в сторону возрастания номеров, чётная сторона оказывается слева. Но после этого опыта установился стандарт, принятый по всей России: при движении в сторону возрастания номеров правая сторона – чётная.

В Одессе есть два исключения из этого правила. На Приморском бульваре дома нумеруются подряд: ведь все они стоят на одной стороне бульвара, а вторая упирается в прибрежный склон. На Преображенской чётная сторона – левая. Когда вводили нумерацию, тогдашний градоначальник обнаружил: его дом получает № 13. Опасаясь дурной приметы, он велел сделать его сторону чётной. Начать нумерацию с другого конца улицы он не мог: в центре все улицы нумеруются, начиная с моря. Примета всё же сбылась: когда горожане узнали причину нарушения стандарта, градоначальника так вышучивали, что ему пришлось подать в отставку. Неплохой пример принуждения к законопослушанию!

В доме № 2 жил герой нескольких войн с Турцией генерал Фёдор Фёдорович Радецкий. Род Радецких дал миру много выдающихся военачальников. Один из самых знаменитых маршей Иоханна Батиста Франц-Боргиазовича Штрауса – Штрауса-отца – написан для встречи в Вене 31-го августа 1848-го года войск, подавивших восстание в североитальянских владениях Австрии. Войсками командовал фельдмаршал Иоханн Йозеф Венцель Антон-Франц-Карлович граф Радецкий. Марш Радецкого – едва ли не единственное оркестровое произведение, которому зрители аплодируют в такт буквально с первых нот.

Соседний дом – забавный образец современной реконструкции старинного здания. Если бы у всех реконструкторов было хотя бы столько же вкуса!

Посередине первого квартала Преображенской – вход в старый корпус экономического университета. Институтское здание, выходящее на улицу Гоголя – новое, передано институту всего пару десятилетий назад.

В конце квартала – на углу Софиевской улицы (в советское время – улица Короленко; Владимир Галактионович был противником всякой национальной дискриминации, так что сейчас этот замечательный писатель не в моде на Украине) – памятник дважды Герою Советского Союза министру обороны маршалу Родиону Яковлевичу Малиновскому. В его честь называется Малиновский район Одессы – спальные новостройки на юго-западе города.

У памятника Малиновскому экскурсию можно заканчивать: как правило, гости к этому моменту даже передвигаются с заметными усилиями, а уж усваивать новые сведения и новые зрелища и подавно могут лишь с большим трудом. Остаётся рекомендовать им пристойные кормилица или подсказать оптимальный маршрут возвращения к месту постоянной дислокации. А ещё лучше – проводить их туда, попутно беседуя на любые подходящие темы: по дороге неизбежно попадутся ещё какие-нибудь места, заслуживающие отдельного рассказа. Но эта часть пути зависит уже от самих гостей, а потому описать её в этом издании заведомо невозможно.

От театра до собора Анатолий Вассерман

Главные общеизвестные достопримечательности Одессы – Дерибасовская улица и театр оперы и балета – находятся вплотную друг к другу. Их можно изучить за одну сравнительно недолгую прогулку

ЧАС – ПОЛТОРА ПЕШКОМ

Главный театр города

Театр стоит на Ланжероновской улице (в советское время – улица Ласточкина; этот партийный псевдоним носил руководитель Иностранной коллегии – по большевистской пропаганде среди интервенционных войск – Иван Фёдорович Смирнов). От главного входа в театр начинается Ришельевская (в советское время – улица Ленина).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.